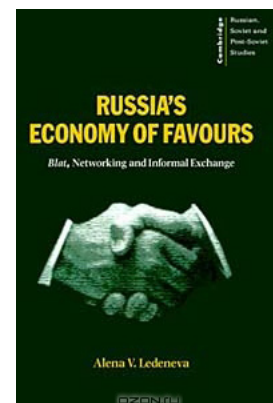

НОВЫЕ КНИГИ

С. Ю. Барсукова

Блатной Советский Союз, или Экономика взаимных услуг¹

Рецензия на книгу: Ledeneva A. 1998. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

БАРСУКОВА

Светлана

Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Email: svbars@mail.ru

Советское общество представляло собой лабиринт ограничений и запретов, дополненных неформальными возможностями их преодоления. Одним из способов расширить круг дозированных возможностей был блат.

Отношения блата давали возможность получить доступ к дефицитному благу (от туалетной бумаги до альбомов импрессионистов) или решить жизненную проблему (найти хорошего врача, помочь ребёнку поступить в институт, получить разрешение на поездку за границу и проч.). Первое обозначалось словом «достать», второе — «устроить». Иначе говоря, прибегая к благу, люди *доставали* блага и *устраивали* свою жизнь.

Блат — это использование социальных сетей и неформальных контактов для получения дефицитных товаров и услуг, а также для решения разнообразных жизненных проблем.

Центральная идея книги сводится к тому, что блат имел амбивалентный характер, одновременно и подрывал «командную» экономику, и укреплял её. Противоречивый характер блата состоял в том, что, с одной стороны, блат давал возможность через неформальные персональные связи получать доступ к дефицитным благам простым людям, тем самым примиряя их с действительностью; с другой стороны, блат разрушал систему, девальвируя идеологические лозунги и трансформируя нормативную систему распределения. Люди не протестовали против закрытых распределителей, номенклатурных пайков, очередей за самым необходимым, но всю энергию направляли на создание сетевых контуров, выводящих их на искомые блага. Мобилизованные на решение общественных задач и достижение общезначимых целей, люди с помощью блата решали свои частные задачи и удовлетворяли простые человеческие потребности. Это была ситуация, когда лояльность системе держалась на множестве обходных манёвров.

Блат, проявляясь в индивидуальных действиях, был отражением структурных ограничений советского общества. Структура порождала действия, но действия трансформировали структуру.

¹ Статья написана при поддержке РНГФ (проект «Неформальная экономика: от чтения к пониманию, или Неформальная экономика в зеркале книг» № 12-43-93026).

Исследования блат, успех книги на Западе и прогноз успеха в России

Блат был центральным звеном повседневной жизни советских людей, практическим применением их социального капитала. На Западе, где универсальным ограничителем возможностей были деньги, блат был непонятным и «слишком русским» (то есть слишком узким) феноменом, чтобы включать его в перечень популярных тем исследований. Отдельные западные публикации на тему блат начали появляться ещё в 1950-е гг., но оставались фрагментарными и не привлекали широкого внимания. Да и само слово «блат» не имело точного перевода на английский и другие европейские языки. А то, чего нет в языке, нет и в голове. Язык — это не просто способ выразить мысль, но возможность эту мысль сформировать. Трудно изучать реальность, которая не имеет адекватного языкового выражения.

Но почему блат не изучали в СССР? Блат был настолько привычным и рутинным явлением, что не провоцировал азарт исследователей, считающих, что «и так всё понятно». Писать научные статьи про блат для советских учёных было равносильно тому, создавать инструкцию по пользованию столовой ложкой, то есть окончательно убеждать народ в своей бесполезности.

Похвал от научного сообщества тоже было не снискать, поскольку они согласовывались в «высоких» кабинетах, а там сидели отнюдь не дураки, которые понимали, что серьёзное исследование блат неизбежно выводит на порождающие его факторы, то есть на институты и структуру советского строя. Науку к блату поэтому не допускали, и «передоверяли» его сатирикам и журналистам, поскольку считалось целесообразным его клеймить, обличать и высмеивать, а не изучать.

Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда резко возрос интерес к России в мире. Причин тому множество — от инерции страха перед военной мощью бывшей империи до тяги к чему-то новенькому. Сыграло роль и то обстоятельство, что различные фонды стали финансировать российскую тематику, спонсировать обучение молодых российских исследователей на Западе. В их числе оказалась и Алёна Леденёва. Контраст новой и старой жизни позволил рефлексивно отнестись к блату, который казался естественным, пока живёшь «внутри» страны.

Отметим и то, что до перестройки западные исследователи вряд ли могли изучить отношения блат: только представьте ужас советского человека, у которого иностранец (!) пытается взять интервью про блат. После перестройки, в кураже «мы наш, мы новый мир построим», респонденты говорили про блат охотно, раскованно, с элементами ностальгической грусти.

В рецензируемой книге помещены значительные фрагменты таких интервью. Они ещё раз доказывают, что люди охотнее говорят о прошлом, чем о настоящем, о других, чем о себе, предпочитают делиться опытом в ходе беседы, а не отвечать на вопросы.

Книга стала бестселлером. Её уникальность восходит к тому обстоятельству, что никто из западных исследователей, не имея опыта жизни в СССР, не мог так детально и полно описать практику блат, а никто из советских учёных не мог объяснить про блат западным читателям, потому что не понимал, что в нём непонятного и удивительного.

Эта книга, впервые изданная в 1998 г., долгое время казалась интересной исключительно западному читателю. Российским обществоведам она вряд ли открывала новые горизонты. Но время работает на эту книгу. Выросло новое поколение россиян, которое про СССР имеет весьма смутное и поверхностное представление. Студенты одного из лучших вузов, где я работаю, удивляют готовностью транслировать штампы, почерпнутые из либеральной риторики про мрак и беспросветность, бесправие и полную зарегулированность жизни советских людей. По уровню понимания социальной организации

советского общества молодые люди сравнивались с западным обывателем времён «холодной войны». Поэтому книга про блат стала интересной и полезной, она вернулась к российскому читателю, рассказывая о той жизни, которую он не застал. И даже карикатуры из сатирического журнала «Крокодил», когда-то казавшиеся слишком примитивным способом иллюстрации проблемы, теперь смотрятся вполне уместно — как исторические свидетельства. Мне кажется, что А. Леденёва — очень хороший автор, пишущий «про другое», она подробно и увлекательно представляет различные советские и российские феномены для любознательной западной публики. Но время пополнило ряды её читателей: блат ушёл в прошлое, стал незнакомым и непонятным для молодых россиян. Книга А. Леденёвой — памятник блату в СССР, явлению, о котором могут просто забыть, что и делает издание заметным вкладом в исследование советской неформальной экономики. Это социологический анализ ушедшего феномена на основе интервью с его живыми свидетелями.

Специфика блата в разные годы

Блат существовал на протяжении всей советской истории. В Большой советской энциклопедии этот термин отсутствовал, но имелись другие свидетельства — сатирическая литература, анекдоты, мемуары, кинофильмы. А. Леденёва активно работает с этим материалом. Довольно любопытно разглядывать карикатуры на нэпманов и читать юмористическое стихотворение В. Лебедева-Кумача, напечатанное в 1933 г. в «Крокодиле» и озаглавленное каламбуром «Блат-нот». Речь в стихотворении идёт о специальном блокноте, хранящем информацию о полезных контактах.

Несмотря на обличительные усилия знаменитого впоследствии советского поэта, записные книжки такого рода продолжали бытовать, оставаясь документальным свидетельством сетевого общения. В них заносили номера телефонов и адреса «блатных» знакомых, нередко указывая вид блага, которое такой человек мог представить: Мария Ивановна (мебель); Иван Иванович (лекарства)...

В 1920–1930-е гг. вместо слова «блат» чаще употребляли фразы «по знакомству», «по протекции». Социальные связи в 1920-е гг. давали возможность:

- найти работу;
- уйти от раскулачивания, получив по знакомству статус «средняк»;
- остаться в столице, несмотря на кампанию «Специалисты — в провинцию»;
- избежать «уплотнения» (подселения дополнительных жильцов) или получить разрешение на минимальную ставку квартплаты;
- получить талоны на продовольствие и товары первой необходимости.

В 1930-е гг. происходит переориентация социальных связей на решение задач текущего потребления. Именно в эти годы в речи происходит прочная замена «купить» на «достать». В то время, когда большая часть населения пытается разжиться самым необходимым (мылом и керосиновыми лампами, например), растёт спрос на престижные товары — книги, грампластинки с американской музыкой, путёвки в лучшие санатории, обладание которыми свидетельствует о высоком статусе обладателя.

В послевоенный период социальные контакты выходят на новый уровень применения. С их помощью решают проблемы уже не только индивиды, но и целые предприятия. Возникает фигура *толкача* как профессионала по налаживанию и использованию неформальных связей для успешного функционирования предприятия. Толкачи обеспечивали решение двуединой задачи: сокращение плана и увеличение выделенных ресурсов. Чем меньше плановое задание и больше ресурсов на его выполнение, тем легче перевыполнить план, стать передовым предприятием. А это, в свою очередь, вело к премиям, орденам, депутатским мандатам и проч. Парадокс состоял в том, что неформальные действия толкачей выводили на формальное признание заслуг перед системой.

В брежневский период, когда нормы индивидуализма стали брать верх над идеологией коллективизма, при ужесточении дефицита на фоне влекущих запахов «загнивающего» капитализма блат достиг наивысшей степени распространения, став рутиной и общим местом жизни советских людей. В это же время с самых высоких трибун стали говорить о «растущих потребностях советского человека», аскетизм решительно вышел из моды, что, несомненно, внесло вклад в процесс легитимации блата. Дефицит не только порождает блат, но и служил основой его морального оправдания.

Генезис блата

Участие в отношениях блата обычно объясняют дефицитом, подчёркивая вынужденность этой практики, что неверно. Дефицит, представляя собой необходимое условие наличия блата как явления, не порождает его автоматически, вне связи с другими характеристиками общества. Блат стоит на «трёх китах»: (а) дефицит товаров и услуг; (b) государственная система дифференцированного доступа через привилегии и закрытые распределители («кормушки»); (с) социокультурная традиция «очеловечивать» любую формальную норму установления личных отношений с представителями порядка.

Несколько слов об этих составляющих. Про дефицит, казалось бы, говорить излишне. Этому феномену поставлено два памятника — научные труды Я. Корнай и советские анекдоты. (Не будем спорить о том, что окажется долговечнее.) Но суровость дефицита вовсе не означала, что блат обслуживал исключительно задачу выживания. У него была и социальная нагрузка. «Достать по благу» означало не просто получить вещь, но зафиксировать свой социальный статус человека, способного решить эту задачу. Благо, приобретённое по благу, являлось вещественным доказательством и мерилем социального капитала обладателя. Тот факт, что вы способны достать дефицитное благо, был важнее, чем его потребительская стоимость, говоря языком классической политэкономии. Без цветного телевизора вполне можно было жить (любимый советскими людьми Штирлиц был, кстати, черно-белым), но мучительно было осознавать свою принадлежность к тем, кто не способен «достать» цветной телевизор. И пока сохранялся дефицит на советские «Рубины» и «Радуги», обладание ими было радостью, несмотря на вечные поломки этих спорных достижений советской электроники. Про полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского на полках советских людей и говорить неловко: это был способ украсить интерьеры и продемонстрировать «выход» на директора книжного магазина, что делает весьма спорным распространённое утверждение об СССР как о самой читающей стране в мире. Дефицит приводил к тому, что самые обычные по нынешним меркам товары и услуги были маркерами социального статуса, доступ к которым обеспечивался сетевыми контактами. Дефицит создавал пространство блата, его потенциал.

Но для реализации этого потенциала нужны были и другие составляющие. Важную роль играла установленная государством система распределения, воплощающая представления власти об иерархии полезности разных видов деятельности. Самой полезной была признана деятельность партийно-хозяйственной номенклатуры. По нормам распределения продуктов в 1931 г., номенклатура имела двукратное превышение норм потребления мяса и рыбы по сравнению с шахтёрами и металлургами, которые, в свою очередь, получали существенно больше рабочих других отраслей, не говоря уже о квалифицированных специалистах. Ещё Л. Троцкий критиковал сталинскую систему за контраст с аскетическими идеалами времён революции. Критика не остановила формирования системы привилегий, но ледоруб, размозживший голову Троцкого, остановил критику.

Сталинская система распределения возникла как вынужденная реакция на острую нехватку продовольствия и товаров первой необходимости. В дальнейшем происходили разветвление, детализация системы дифференцированного доступа разных социальных групп к потребительским благам. В этих условиях блат через социальные связи корректировал установленную государством политику распределения. А поскольку все товарные потоки шли через торговые организации, ключевыми фигурами в

отношениях блата выступали работники торговли. Дружбой с ними дорожили представители интеллектуальной и творческой элиты, поэтому в первых рядах на самых шумных премьерах и концертах сидели товароведы, завбазами, завскладами. В 1970–1980-е гг. конкурсы в торговые институты стали выше, чем в технические вузы, хотя общим местом была неприязнь к «торгашам» как своеобразная ипостась классовой ненависти.

Проект СССР предполагал, что к высокому уровню потребления ведут два пути — деньги и привилегии. На этом строились мотивационная и кадровая политики государства: хочешь жить хорошо — старайся много зарабатывать или пробиться в партийно-хозяйственную элиту. Блат ломал эту схему, предлагая «третий путь» — через социальные контакты покупать дефицитные товары и услуги, а также получать то, что не продаётся в принципе (отсрочка от армии, место в вузе и проч.). Ориентация на высокий заработок или место в партийно-хозяйственном активе теснилась готовностью скромно зарабатывать на незначительных должностях, но быть в узловых точках блатных сетей.

Реальная покупательная способность индивида была связана не столько с его уровнем дохода, сколько с теми возможностями приобретения дефицитных благ, которые «по благу» приобретались благодаря социальным контактам. Тем самым блат менял логику распределения, сконструированную государством, с системой закрытых распределителей и очередями по месту работы (списки из желающих купить машину, мебель, получить дачный участок, новую квартиру и проч.). Такие очереди прочно «привязывали» человека к предприятию, потому что на новом месте он оказывался в конце списка. Блат позволял обойти такого рода ограничения формальной распределительной системы. Обычный человек мог отведать дефицитные шпроты, предназначенные академику, на том основании, что его тёща имела доступ к соответствующей «кормушке». А кто-то продвигался в очереди на квартиру с рекордной скоростью лишь потому, что его жена помогла устроить к хорошему хирургу сына председателя профкома, курирующего ту самую очередь. В этой ситуации блат не отменял очереди, но менял правила её формирования, тем самым корректировались, видоизменялись принципы потребления, устанавливаемые государством.

Блат был непреднамеренным следствием продуманных действий государства, являясь не «девиантным» сбоем системы, а наложением социальных связей на формальный порядок советского строя, неотъемлемым свойством функционирования системы. Это не была практика «в противовес» общественным идеалам и формальному порядку, но способность творчески их обрабатывать и манипулировать ими.

Но блат — это не только экономическая практика, но и социокультурный феномен: сужение до круга «своих» мечты о братстве и равенстве. Иначе говоря, блат вбирал в себя идеал системы и подтачивал её одновременно, распространяя этот идеал лишь на зону сетевого членства. Комфортность отношений блата была связана с тем, что человек сам определял круг «своих», переопределяя его в разных обстоятельствах. (Что выгодно отличалось от кланов и мафий, где круг «своих» был данностью, не зависящей от личных симпатий.) «Щупальца блата» могли простираться за пределы сетевого мира индивида, охватывая возможности «друзей друга». Способность блата сохранять и использовать «тепло человеческих отношений» встраивало его в русскую традицию персонифицировать взаимодействие с системой. Врач «по знакомству» казался надёжнее, чем обезличенный специалист, качество которого сертифицировало государство (врач высшей категории, доктор наук и проч.). От системы ждали подвоха.

Кроме того, блат эксплуатировал социальную норму взаимопомощи «своим», являясь результатом социального давления на тех, кто имел доступ к дефицитным благам, со стороны социального окружения, лишённого такого доступа.

Риторика о взаимопомощи скрывала использование общественных ресурсов в личных целях. Получить «блатную» работу означало для бездари пристроиться туда, где хорошие условия труда и высо-

кая зарплата. «Помощь другу» оказывалась за счёт других. Если по благу выбиралось хорошее мясо, то остальным доставались кости. Именно с этим связана негативная легитимация блата, в силу чего применительно к личной ситуации избегали говорить о благе, но активно эксплуатировали риторику о дружбе и взаимовыручке.

Итак, блат порождался не дефицитом как таковым, но определённой комбинацией дефицитной экономики и системы государственных привилегий в сочетании с социальными нормами взаимопомощи и традицией недоверия к государству. Так историческая память, социальные нормы, экономический дефицит и государственная распределительная система в своём единстве породили уникальный феномен советского блата.

Отношение людей к благу

Блат не был противозаконной практикой, но идеологически осуждался. Люди поэтому говорили о благе, придерживаясь следующей схемы: по благу решают проблемы *другие* люди, что же касается меня, то я просто помогаю друзьям и родственникам, а они помогают мне. Таким образом, собственную причастность к благу отрицали, но охотно разделяли мнение о том, что «блат повсюду, без него никуда». Правда, если дружба со временем распадалась, то ретроспективно признавали, что в отношениях присутствовал элемент корысти и выгоды.

Любопытно, что в силу негативной коннотации слова «блат» люди начинали интервью с утверждения, что они не пользуются благом, а заканчивали увлекательными рассказами о том, как решили ту или иную жизненную проблему с помощью знакомых, протекции, связей. Спрашивая «в лоб» о благе, исследователь получал в ответ «правильные» идеологически выверенные ответы, однако, находя истории о способах решения тех или иных жизненных коллизий, собирал уникальный материал о практике блата. Не нужно ожидать от респондентов системной рефлексии о благе, но полезно узнать о том, как удалось поставить телефон, откуда взялся такой вкусный чай, почему сын не пошёл в армию, каким образом приобрели полное собрание сочинений Достоевского. Всего были собраны 50 интервью. Ни один из респондентов, включая самых ярких обличителей блата, не был бесполезен как информант об экономике «взаимных услуг». Все без исключения были компетентны в отношениях блата, знали, как адекватно реагировать на его проявления.

В системе «блата» не было откровенного нарушения закона, что лишало её рисков, сопровождающих торговлю на «барахолках». Это была не рыночная антитеза плановой экономики, а сетевой социальный амортизатор дефицитности, морально оправданный и легитимный в глазах населения. Обличительная риторика как общее место публичного дискурса вполне мирно сосуществовала с поведенческой лояльностью благу всех слоёв общества, что было не проявлением лицемерия, а частным случаем двоемыслия советского человека, который говорил (и даже чувствовал) в одной ситуации одно, а в другой — противоположное. Осуждение блата при его повсеместном использовании было ярким примером сосуществования вербальных штампов, соответствующих нормам публичного пространства, и поведенческих практик, обусловленных конкретными структурно-институциональными условиями. Две морали не конкурировали, а сосуществовали, находя адекватное применение в разных ситуациях.

Блат: между товаром и даром

Принятая в социологии дихотомия (товар и дар) ставит вопрос о сущности блата. К чему сводится блат — к товарному обмену или реципрокному обмену дарами?

С одной стороны, приобретаемые по благу товары и услуги не теряли своей товарной формы, то есть их покупали, а не принимали в дар. Например, за дефицитные вещи платили согласно ценнику (не

исключена была и переплата), услуги частных мастеров оплачивались по установленной таксе, поставленный по блату телефон не освобождал от платы за его установку согласно тарифу. Иначе говоря, приобретаемые по блату дефицитные товары и услуги не превращались в дары, оставаясь товарами.

С другой стороны, блат существенно трансформировал товарную природу благ. Товарность предполагает универсальность доступа, ограниченного лишь ценой и доходами. Блат давал возможность купить дешевле, лучшего качества, не стоя в очередях. Например, на общих основаниях можно было купить мясо с костями и жиром, отстояв очередь в государственном магазине. Достать мясо по блату («через чёрный ход», «из-под прилавка», «через заднее крыльцо», «из-под полы») означало, что без очереди и по государственной цене покупается мясо отличного качества. Конечно, «правильное» мясо без очереди можно было приобрести на колхозном рынке, но цена там была в несколько раз выше государственной. Мясо, приобретаемое по блату, оставалось товаром в том смысле, что за него платили согласно чеку. И в то же время оно не являлось товаром, поскольку было доступным только узкому кругу «своих», у которых были преимущества в цене, качестве, скорости покупки.

Важно и то, что по блату получали доступ к тому, что в принципе не продавалось. Например, ордер на квартиру, место в престижной школе, освобождение от армии, госпитализация в хорошую клинику и проч. Это было внетоварное пространство. В ответ, конечно, заносили бутылку коньяка или французский парфюм, но считать эти подарки формой оплаты просто нелепо. Квартиры на коньяк не менялись. Это были символические знаки благодарности. Кстати, так и говорили: «Примите в знак благодарности». Реальная благодарность предполагала ответную услугу аналогичного масштаба. Характер проблемы должен был соответствовать статусу человека, которого просят о помощи.

Отношения блата строились в пространстве взаимных услуг по формуле «ты — мне, я — тебе». И только те, у кого не было возможности по блату решить тот или иной вопрос, вынуждены были давать взятки, то есть буквально покупать решение вопроса. Блат был ограничителем коррупции. Это были альтернативные алгоритмы решения проблем, основанные на разных капиталах — социальном и финансовом соответственно. По знакомству можно было получить то, что другие получали, прибегнув к взятке. При этом решить вопрос «по блату» было гораздо престижнее, чем через взятку. Однако блат не только ограничивал, но и обслуживал коррупционные отношения: по блату получали информацию о том, кому и сколько нужно дать для решения конкретного вопроса.

Блат — это обмен дарами, в качестве которых выступает сам *доступ* к дефицитному благу или каналу решения жизненной проблемы. *Даровалась возможность* что-то купить, решить жилищный вопрос, попасть к хорошему врачу и проч. Отношения блата предполагали, что любая услуга требует адекватного ответа, то есть работает *правило двух «никогда»*: никогда не забывать об оказанной услуге и никогда не забывать об отказе помочь, несмотря на имеющиеся возможности. Соотношение взаимных услуг не подчинялось логике стоимостной эквивалентности, перемещая обмен из экономического в социальное пространство, где статус акторов, их отношения и ситуация обмена превалировали над соизмерением стоимости и полезности благ. Блат, основываясь на долговременных отношениях, предполагал пролонгированный доступ к возможностям членов сети, а не сиюминутный взаимозачёт услуг.

Таким образом, блат не сводится ни к товарному обмену, ни к реципрокности, являя собой специфический *обмен доступом к дефицитным благам*, сохраняющим товарную форму.

Подробности о блате: дети, женщины, «нужные» люди

Использование блата обслуживало три рода потребностей:

— регулярные (от еды до туалетной бумаги);

- периодические (путёвки и авиабилеты во время отпуска, лекарства и проч.);
- потребности, связанные с фазами жизненного цикла (устройство детей в вуз, банкет по случаю свадьбы, место в жилищном кооперативе для молодых и проч.).

В круговороте потребления «по благу» вращались дефицитные товары, качественные медицинские услуги, места в детских садах, земельные участки под дачное строительство, путёвки в санатории, престижные рабочие места и другие составляющие советского быта. Таким образом, основными ресурсами, получаемыми по благу, были товары, услуги и средства получения дохода (образование, рабочие места, привилегии).

Значительная часть товаров и услуг, получаемых по благу, была связана с детьми. Советские люди понимали лозунг «Все лучшее — детям!» буквально и очень конкретно. Этот лозунг имел «подрывной» смысл. Ради детей социальные связи напрягали до предела, рискуя разорвать отношения в результате превышения неписаного лимита просьб. «Сказка о рыбаке и рыбке» была поэтическим воплощением того, как важно вовремя остановиться в своих просьбах.

Конфигурация сетей блага зависела не только от положения индивида в общественной структуре, но и от его личных характеристик. Коммуникабельность, манера говорить значили очень многое. В книге А. Леденёвой приводится рассказ женщины-врача, которая в турпоездке познакомилась с представителями партийной элиты, в результате чего она, не будучи членом партии, смотрела парад из правительственной ложи.

Блат был практическим применением социального капитала, а социальный капитал семьи создавался и поддерживался, как правило, стараниями женщин. Поэтому в семейных стратегиях использования блага ключевую роль играли женщины.

Блат имел горизонтальное и вертикальное воплощение. Купить по благу («достать») что-то дефицитное — это горизонтальные отношения, но по благу получить что-то в результате властных решений — вертикальные отношения. Горизонтальные отношения блага строились среди «людей одного круга», которые обменивались возможностями, связанными с их местом в общественном производстве. Например, «несуны» делились добычей со своими друзьями и родственниками.

Если же цепь блага включала людей с сильно различающимися статусами, то отношения становились более сложными. Доступ высокостатусных персон к дефициту обеспечивали так называемые «нужные» люди. Это могли быть продавцы, работники саун, массажисты и прочие категории работников, стоящие на потоках дефицитных товаров и услуг. В ответ они могли использовать возможности своих VIP-клиентов, что не приводило к сглаживанию социальной дистанции между ними. «Нужных» людей использовали, но за равню не считали. Показательно, что сокращённо их называли «нужниками», что имело и другой значение — отхожее место.

Отношения блага вовсе необязательно предполагали возможность обойти формальные процедуры, например, получить квартиру на незаконных основаниях или поступить в институт с непроходным баллом. Гораздо чаще отношения блага не сводились к нарушению закона, а давали возможность воспользоваться формальным правом, получить преференции. Например, ветеран войны на вполне законных основаниях мог получить квартиру, но с той существенной оговоркой, что ветеранов было много и квартир на всех не хватало, к тому же кроме ветеранов в категорию «льготников» попадали многодетные семьи, матери-одиночки и др., что сильно усложняло решение квартирного вопроса. И только благодаря неформальным связям конкретный ветеран из обезличенной строки в длинном списке претендентов превращался в персону, о благе которой (на вполне законных основаниях) начинал заботиться заинтересованный чиновник.

Постсоветская трансформация блата

Очевидно, что при переходе к рыночной экономике вместе с ликвидацией товарного дефицита исчез и блат как использование неформальных каналов доступа к дефицитным товарам и услугам. Само слово «блат» практически ушло из бытовой речи россиян.

Но это не означает, что потеряли значимость неформальные связи, лимитирующие ресурсные возможности индивидов. Ведь победа над товарным дефицитом не означает уничтожения дефицита как такового. По мере развития рынка самым дефицитным ресурсом и всеобщей потребностью становятся деньги, на получение которых направлены все социальные связи индивида или группы. Неформальные связи стали ключевым фактором доступа к дешёвым кредитам, к высокооплачиваемым вакансиям, к быстрому оформлению лицензий, к госконтрактам, к информации о готовящихся законодательных нововведениях и проч. Возник дефицит другого рода — дефицит качества институтов с соответствующим дефицитом доверия к ним. В этих условиях особую роль начали играть социальные контакты россиян. Для бизнеса ключевую роль стали играть сетевые контакты с представителями власти.

Кратко суммируем различия между советским блатом и постсоветскими неформальными связями как механизмом доступа к дефицитным ресурсам:

- советский блат обслуживал повседневные практики потребления, а постсоветские связи фокусируются на нуждах бизнеса;
- советский блат был антитезой коррупции, тогда как постсоветские «связи» создавали пространство коррупции. Отношения советского блата предполагали ответную потенциальную помощь, это был обмен услугами между людьми, имеющими доступ к разнообразным ресурсам в силу своей деятельности. Постсоветские неформальные связи дают возможность решать многие деловые вопросы, но по вполне рыночным расценкам. Эти расценки, конечно, неформальны, но вполне устойчивы. Вместо ответных обязательств работает правило рыночных расчётов за услугу. Коммерциализация услуг, доступ к которым по-прежнему ограничен социальными сетями, контрастирует с «человеческими» отношениями блата;
- блат придавал советской системе гибкость и манёвренность, компенсируя дефицит как имманентное свойство планового хозяйства. В этом смысле блат разъедал идеологию равенства, но амортизировал экономические сбои системы. В постсоветской России в первые годы перехода к рынку наблюдалась схожая ситуация: неформальные связи компрометировали идеологию «равных рыночных возможностей», но были функционально оправданны и вносили положительный вклад в развитие рынка. Это объяснялось тем, что законы были неадекватны реалиям, а государство не гарантировало права собственности и выполнения контрактов. Неформальные связи в этот период берут на себя роль регуляторов рыночной деятельности. Но по мере улучшения нормативной базы и усиления государства сохранение опоры на неформальные связи превращается в серьёзную помеху становления рынка как системы универсальных правил игры.

Отношения блата имеют эффект «возврата» в постсоветской России. Знания о блате, навыки его использования не могут исчезнуть вместе с ним. Старая практика в новых институциональных условиях породила новый репертуар действий с опорой на сетевые контакты. Это уже не блат советского образца, но блатной (в обоих значениях этого слова) рынок. Но это уже другая тема и другие книги.